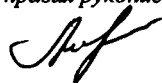

0-802797

На правах рукописи

Артюх Александр Витальевич

**Феномены насилия и терроризма в культуре:
философско-антропологический контекст взаимоотношения**

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Белгород – 2013

Работа выполнена на кафедре философии ФГАОУ ВПО «Белгородский
государственный национальный исследовательский университет»

Научный руководитель:

Римский Виктор Павлович

доктор философских наук,
профессор, НИУ «БелГУ»

Официальные оппоненты:

Варава Владимир Владимирович

доктор философских наук,
профессор, ФГБОУ ВПО
«Воронежский государственный
университет»

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

827768

Игнатов Михаил Александрович

кандидат философских наук,
ГБОУ ВПО «Белгородский
государственный институт искусств
и культуры»

Ведущая организация:

**ФГБОУ ВПО «Орловский
государственный университет»**

Защита состоится 15 ноября 2013 г. в 17.00 на заседании совета по
защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на
соискание учёной степени доктора наук Д 212.015.05 по философским
наукам при НИУ «БелГУ» (308600, г. Белгород, ул. Преображенская, 78).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке НИУ «БелГУ»
(308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан 15 октября 2013 г.

Автореферат размещен на официальном сайте НИУ «БелГУ»:
<http://www.bsu.edu.ru>.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор философских наук, доцент

Е.А. Кожемякин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В настоящее время можно говорить о том, что если насилие является в определенной степени «вечным спутником» бытия человека, то терроризм стал одним из симптомов болезни современной общечеловеческой цивилизации, ее отрицательным маркером, свидетельством необходимости остановки человечества в погоне за самоутверждением перед лицом Бога и природы, перед самим собой. При этом, кажется, что сама история скрывает такие следы пребывания насилия и терроризма в прошлом, мифологизируя их под различными именами вроде «власти», «господства», «войн» и «революций». Только сегодня насилие и терроризм предстают перед нами как бы в «чистом виде», и это предоставляет нам возможность их изучить и в перспективе, если не исключить, то управлять «потоками» насилия и терроризма. В свою очередь это означает не только понять терроризм в качестве самостоятельного феномена во всей его специфичности и отличии от других форм насилия, но также проследить все глубины взаимосвязи насилия и терроризма с культурой и живым человеком, с практиками и технологиями контроля терроризма и локализации всех форм насилия.

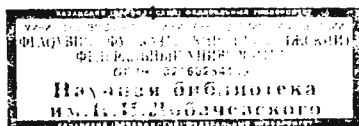
Таким образом, мы имеем актуальную проблему глобального масштаба, требующую своего решения, причем такого рода, что сама наша повседневность сигнализирует о необходимости всесторонней рефлексии проблемной ситуации. Чувство опасности и страха за свою жизнь нередко препятствует осмыслению проблемы, но может также дать ключ к ее решению, который кроется в выявлении взаимосвязей между терроризмом и насилием, погружением их в широкую культурно-историческую перспективу и нахождения антропологических оснований исследуемых явлений.

Нам, миру в целом важно изучить эффекты взаимополагания и взаимопревращения насилия и терроризма, которые являются своеобразным ключом к целому ряду других проблем, связаны с диалектикой взаимодействия культур, наций и этносов, диалогом религий и сообществ, а также с пониманием самого статуса человека в пространстве истории и современности.

Степень разработанности. Взятая сама по себе проблема насилия и терроризма в современном его понимании имеет не столь давнюю историю,

однако, наш интерес к проблеме взаимодействия, взаимоотношения насилия и терроризма открывает возможности и перспективы поиска таких связей в ранней истории человеческой мысли. Уже в античной философской мысли в работах Гераклита, Сократа, Платона и Аристотеля мы находим постановку проблем насилия, вражды, господства и власти, их понимания и контроля в обществе и государстве. Римская философия ставит проблему насилия и смерти в природно-экзистенциальной плоскости осмысления человеком самого себя, а также в соотношении с нравственной категорией должного и необходимого. В эпоху средневековья насилие приобретает религиозные смыслы в работах Аврелия Августина, Фомы Аквинского, Пьера Абеляра, рассматривавших насилие как зло и грех в моральной перспективе.

Правовые аспекты применения насилия, соотношение насилия частного и государственного, насилия и оснований государственности в философии эпохи Возрождения и новоевропейской философии были выявлены Н. Макиавелли, Т. Мором, Т. Гоббсом, Ж.-Ж. Руссо. И практически в это же время происходит рефлексия насилия в его связи с революцией и террором, вызванная чередой буржуазных революций в Европе. Особенно заметный вклад не только в научное осмысление взаимосвязи революции и терроризма, но и примеры идеологического обоснования такого насилия мы находим у деятелей Французской революции 1791-1794 гг. Террор как специфическая политика государства в условиях чрезвычайного положения и террор как инструмент «народной воли» предстает в текстах и практиках М. Робеспьера, Сен-Жюста, Дантона. Отметим, что обратной стороной этой «линии» в репрезентации революции была консервативная политика, которая, впрочем, сходилась с революционной в признании насилия в качестве политической «технологии» и установлении связи терроризма и революции, представленная работами Э. Берка, А. де Токвиля. В целом такое понимание насилия и терроризма наследуется немецкой классической философией и философией марксизма, продолжающейся в многочисленных трудах теоретиков и практиков революции в лице М. Бакунина, О. Бланка, Л. Гумпловича, А. Грамши, К. Маркса, В. Ленина, Г. Маркузе, Б. Савинкова, Ж. Сореля, П. Ткачева, Ф. Энгельса, Э. Че Гевары и других «практиков» и теоретиков революционного насилия и террора, которые связывали эти феномены с

завоеванием и удержанием власти и освобождением «народа» или «пролетариата».

Отметим, что наряду с апологией революционного насилия и террора в качестве «инструмента» политики и формы власти, зарождается теория войны в современном ее понимании как регулярных насильственных действий для достижения политических целей и «интересов» национальных государств. Человеком, определившим на долгие годы представления о войне, был К. фон Клаузевиц. Его идеи послужат основой для размышлений и окажут влияние на К. Шмитта, Р. Арона, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, А.Е. Снесарева и других авторов.

В собственно социально-гуманитарном дискурсе понятие насилия рассматривалось в работах Г. Спенсера, М. Вебера, Г. Моски, Э. Канетти. Идею насилия как универсального атрибута человеческой «природы» отстаивали представители социобиологии и ряд мыслителей: Л. Берковец, К. Лоренц, З.Фрейд, Э. Фромм и другие. Онтологические и философско-антропологические подходы к исследованию проблемы насилия и терроризма представлены в работах Г. Маркузе, Х. Ортеги-и-Гассета, А. Рапопорта, Ж.П. Сартра, К. Ясперса, А. Кожева. Преимущественно социологическая интерпретация насилия, связывающая его причины с социальными процессами, присутствует в трудах и идеях таких ученых и философов, как Ж. Батай, З. Бауман, П. Бурдьё, М. Вебер, Э. Гидденс, Р. Жирар, Р. Кайуа, М. Мосс, С. Московичи, М. Фуко.

Революционное насилие и террор с одной стороны, а также деградация классической войны в тотальную трансформировались в XX веке в формы тоталитарного террора, что позволяет нам рассматривать взаимосвязь терроризма и насилия в контексте проблематики тоталитаризма в работах Э.Фромма, К. Поппера, Х. Арендт, Р.Н. Арона, Ф.А. Хайека, З. Бжезинского, которые дали нам широкую феноменологию тоталитарного насилия. Среди работ отечественных авторов, посвященных данной проблеме, мы опирались на труды А.С. Ахиезера, К.С. Гаджиева, Н.В. Загладина, Ю.И. Игрицкого, В.М. Кайтукова, А.А. Кара-Мурзы, М.П. Одесского, А.С. Панарина, В.А. Подороги, В.П. Римского, Д.М. Фельдмана и других.

К парадоксам этики насилия и террора обращались многие русские мыслители – Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, а

также современные отечественные (А. Гусейнов, Ю. Давыдов, В. Степин, А. Скрипник, В. Бочаров, Р. Апресян, Т. Степанянц, В. Лекторский и другие) и зарубежные ученые и философы (А. Бадью, Дж. Агамбен, М. Терещенко).

Современные исследования терроризма представлены специальными работами Ю.И. Авдеева, А. Бернгарда, И.М. Ильинского, В.Н. Кудрявцева, Б.С. Крылова, Д. Лонга, В.В. Лунева, В. Маллисона, С. Маллисона, В. Петрищева, Ю.С. Ромашева, Б. Хоффмана, В.В. Никитаева. Взаимосвязь терроризма с войной и понимание его как специфической формы военного насилия мы находим в работах Х. Хофмайстера, М. Либига, Ф. А. Фрайхер фон дер Хейдте, П. А. Шерера, Д. Стерлинга, Л. Ларуша.

Психологические аспекты взаимосвязи насилия и терроризма находят свое отражение в работах Ж. Лакана, С. Жижека, Д.В. Ольшанского, Ю.М. Антоняна, М. Коупленда, Ч. Руби. Исследования терроризма сопряжены с национальной, религиозной, этнической спецификой в работах И.П. Добаева, Н.В. Жданова, А.А. Игнатенко, Р.Г. Ланды, А.В. Малашенко, Л. Сюкияйнена, М.Т. Степанянц, С.И. Чудинова, Ф. Бенслама, А. Парфрея, М. Палмер, Дж. Эспозито, Б. Льюиса и других авторов. Исследованиям глобального или транснационального и транскультурного терроризма посвящены работы М. Сейджмана, М.П. Требина, Е.П. Кожушко, С.У. Дикаева, В.Я. Кикотя, Н.Д. Эриашвили. Проблемы религиозного экстремизма, рассмотрены в исследованиях Ю.И. Авдеева, Г.Т. Аллисона, К.Н. Бурханова, А.И. Гушера, Ю.С. Горбунова, А.В. Дмитриева, И.П. Добаева, С.В. Дьякова, С.М. Ермакова, К.В. Жаринова, Н.В. Жданова, И.Ю.Залысина, О.В.Зотова, Ю. Иванича, А. Игнатенко, А.В. Коровникова, Р. Ланда, С.А. Ланцова, Н.Б. Лебедевой, З.И. Левина, Е.Г. Ляхова, А.В. Малашенко, Л.И. Медведко, Г.И. Мирского, Л.А. Моджаряна, Б. Миркасымова, В.Е. Петрищева, В.Н. Пластуна, Л.Р.Полонской, Л.Р. Сюкияйнена и других.

Итак, анализ разработанности проблемы показал, что сам дискурс насилия и терроризма в их взаимном притяжении и отталкивании конструирует новое исследовательское поле, которое открывает актуальные возможности и перспективы философско-культурологической и философско-антропологической методологических установок в интерпретации и понимании взаимодействия насилия и терроризма.

Объект исследования – феномены насилия и терроризма в культуре.

Предмет исследования – взаимоотношение феноменов насилия и терроризма в культуре и их соотносительность с бытием человека.

Цель диссертационного исследования – философско-антропологическое понимание террористических формообразований насилия в культуре и человеческом бытии.

Задачи исследования:

- реконструировать философские и социально-гуманитарные парадигмы исследования феномена терроризма;
- дать философско-антропологическую интерпретацию культурогенеза и антропологических метаморфоз насилия;
- выявить формы насилия в культуре и предложить культурно-историческую типологию насилия – терроризма;
- проанализировать антропологию деструктивного насилия во взаимосвязи войны и терроризма;
- исследовать революционное насилие и терроризм с позиции деструкции политического бытия человека.

Теоретико-методологические основы исследования. Выбор междисциплинарной, философско-антропологической и философско-культурологической методологии исследования, используемых подходов и принципов обусловлен сложным характером объекта исследования и спецификой предмета исследования:

- исторической и социокультурной обусловленностью феноменов насилия и терроризма (сравнительно-исторический, диалектический, деятельностный методы);
- сложным системным характером объекта, взаимоотношением и пограничностью форм насилия и терроризма, а также влиянием политического, религиозного, национально-этнического факторов (системно-структурный, системно-функциональный методы);
- антисистемным характером феномена терроризма и специфичностью культурных практик насилия (диалектика и культурно-антропологические методы);

Научная новизна исследования:

- реконструкция парадигм исследования феномена терроризма дала его определение как превращенной, иррациональной формы насилия, следствием которой является страх и ниспровержение ценностных (моральных, политических, повседневных и т.д.) иерархий с целью реализации стремлений человека или социальных общностей к контролю над жизнью других людей и установлению той или иной системы власти;
- дана интерпретация культурогенеза агрессии как первичной формы насилия, в антропологических метаморфозах которой реализуется архетипичность ритуального жертвоприношения как структурно-типологического прообраза террористического акта;
- проведена специальная процедура интерпретации революционного насилия и терроризма, что позволило их описать в качестве конкретно-исторических форм деструкции политического бытия современного человека;
- осуществлен анализ культурно-антропологических оснований деструктивного насилия во взаимосвязи и взаимозависимости конкретно-исторических форм войны и терроризма;
- выявлены основные формы насилия в культуре традиционализма, современности и постсовременности, что позволило предложить авторскую культурно-историческую типологию реализации взаимоотношения структурного отношения «насилие – терроризм».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Основные исследовательские парадигмы в осмыслении феномена терроризма показали, что адекватное понимание этого сложного феномена возможно через указание на его суть как на одну из превращенных, иррациональных форм полагания насилия, следствием которой является страх и ниспровержение всяческих аксиологических иерархий. Целью такого насилия можно считать контроль над жизнью человека и человеческих общностей (биополитика) как установление политического господства и власти в широком смысле. Диспозиция и практики терроризма в настоящее

время не ограничиваются противостоянием государства и его оппонентов и включают в себя конкретных людей, сообщества, культуры и государства.

2. Анализ культурогенеза человеческой агрессии и антропологических метаморфоз насилия показал, что архетипом терроризма является жертвоприношение, поскольку по характеру действия террористический акт есть не что иное, как мгновенное изъятие объектов в акте уничтожения, что есть жертвенная «трата» (Ж. Батай), происходящая сиюминутно, без откладывания и оправдания. Целью жертвоприношения является достижение исходной имманентности окружающему миру, которая с поправкой на идеологию современного терроризма может иметь различный характер, от традиционного религиозного и политического – до этнического и экологического. Террористический акт по смыслу и действию внутренне структурирован как специфическая форма жертвоприношения, что делает его абсолютно иррациональным и непрозрачным для обыденного или разумного понимания.

3. Исследование революционного насилия и терроризма в ракурсе концептов «чрезвычайного положения» (Дж. Агамбен) и «жертвенного кризиса» (М. Мосс) привело к выводу, что революция предстает как борьба равных *вне норм права и координат легитимности*, материей которого является *нелегитимная жертва* (*homo sacer*), а формой и механизмом реализации – терроризм, который сближается с революцией в знаковом и игровом измерении зрелищности и потребления.

4. Антропологические основания деструктивного насилия во взаимосвязи и взаимозависимости войны и терроризма предполагают, что терроризм есть не только кризис традиционных методов ведения войны, но и последовательная деградация последней в трех аспектах: *в отношении к субъекту* как переход от вражды государств к вражде партий, в котором современный терроризм раскрывается как «абсолютная вражда»; *в отношении к объекту* война перестает быть борьбой с равным и оказывается жертвоприношением, которому родственен терроризм; сегментированное, неоднородное пространство классической войны переходит к *одномерному пространству террора*, которое населено не противником, а жертвами.

5. Основные факты соотнесения насилия и терроризма как формы жертвоприношения в культуре традиционализма, современности и

постсовременности дают определенную *культурно-историческую типологию*:

а) преобладающий религиозный характер средневековой культуры обуславливал существование террористического насилия в формах религиозной войны и преследования инакомыслящих (иноверцев, неверных, еретиков и т.п.);

б) эпоха Нового времени вносит политические и национальные смыслы в насилие («государственный интерес» и «воля народа»), что приводит к проникновению террористического насилия в революцию и новые формы власти и управления государством и населением;

в) современный терроризм представляет собой качественно новое явление, когда террористическое насилие осуществляется не на уровне национальных государств и поддерживаемых ими властных групп, а в плоскости столкновения сообществ и индивидов с государствами, культурами, нациями и цивилизациями.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Материалы проведенного исследования представляют интерес в рамках философской антропологии, философии культуры, философии политики. Исследование может быть использовано при разработке региональных программ борьбы с экстремизмом и ксенофобией, конкретных исследованиях террористических субкультур.

Результаты диссертационного исследования могут применяться в процессе преподавания курсов философии, культурологии, философской и социальной антропологии, чтении курсов по антропологии насилия, революции, философии войны.

Личный вклад автора заключается в идее контекстного и культурно-исторического взаимополагания насилия и терроризма; в оригинальном научном подходе к анализу парадигм осмысления феномена терроризма, как на одной из превращенных, иррациональных форм насилия; в обосновании понимания терроризма в соотнесенности с феноменами революции и войны; в разработке культурно-исторической типологии терроризма.

Личный вклад диссертанта состоит в обосновании методологических подходов и принципов исследования, в определении задач, целей,

формулировке новизны и положений, выносимых на защиту, подготовке научных публикаций, отражающих ход и результаты исследования.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были изложены в выступлениях на международных и всероссийских конференциях: IV Всероссийской научной конференции молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов «Философия поверх барьеров: культурно-цивилизационные и антропологические кризисы идентичности в современном мире» (апрель 2009 г.); V Всероссийской научной конференции молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов «Философия поверх барьеров: философия науки, история и современность» (апрель 2010 г.); Всероссийской конференции с элементами научной школы для молодежи «Развитие внутрироссийской мобильности научных и научно-педагогических кадров на базе ведущих научно-образовательных центров в области социально-гуманитарных наук» (ноябрь 2010 г.); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Национальный вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее» (апрель 2011 г.); VI Всероссийской научной конференции молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов «Философия и наука поверх барьеров: Нации и этнокультурная идентичность в современном мире» (апрель 2011 г.); Всероссийской молодежной конференции «Когнитивное моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности» (сентябрь 2011 г.); Второй Российской научной конференции с международным участием «Социология религии в обществе Позднего Модерна» (апрель 2012 г.); Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям» (апрель 2013 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав и пяти параграфов, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, дается оценка степени разработанности проблемы, определяются объект и предмет, цель и задачи исследования, показывается научная новизна, теоретическая и

практическая значимость, указываются теоретико-методологические основы исследования, приводятся положения, выносимые на защиту, отражается апробация результатов исследования и структура диссертации.

Первая глава «Философско-культурологические парадигмы интерпретации «террористического насилия» посвящена реконструкции философских и социально-гуманитарных методологий исследования феномена терроризма, а также философско-антропологической интерпретации культурогенеза агрессии и антропологических метаморфоз насилия.

В первом параграфе **«Феноменология террористического насилия: деструкция насилия или деструктивное насилие?»** отмечается, что первичным определением значения террора является «страх с потерей контроля за своими действиями». Он есть расстройство установленного порядка под действием страха за свою жизнь. Такое понимание следует признать не только исходным в спектре значений слов террор и терроризм, но также отметить тот факт, что указанные значения действительно исходны в феноменологическом смысле. Поскольку речь идет о непосредственном восприятии насилия, того очевидного факта, что тело инстинктивно реагирует на опасность и угрозу смерти трепетом, дрожью и стремлением убежать. А также имеет следствием этого нарушение существующего порядка, иерархии. Современное пространство смыслов террора и терроризма в значительной мере ушло от «физиологии ужаса» и «мифологии порядка». Исключение составляют психологические трактовки, которые отмечают исходное значение слова как переживание ужаса, возникающее вследствие угрозы или применения насилия. Большая же часть исследователей связывает терроризм с борьбой за власть и рассматривает его в контексте институционализированной борьбы государства с его различными оппонентами.

С учетом недостаточности существующих определений терроризма, на наш взгляд, стоит изменить привычную оппозицию государства и его оппонентов. Представление о террористах аутсайдерах, которые противостоят системе, в настоящее время перестает быть таковым. Реальность эпохи модерна скорее заключалась в том, что после создания сильных национальных государств терроризм являлся средством борьбы

самих государств друг с другом. Террористические организации нуждались и нуждаются в подготовке, снабжении, финансировании и прочем, что могло дать только государство. В настоящее время монополия государства на подобную деятельность утрачена и, в значительной мере, может осуществляться над и вне государственными структурами. В общем виде практики контроля насилия, созданные в предыдущую эпоху, уже не адекватны тем угрозам, которые создают процессы технической и кибернетической революции, глобализации и регионализации, а также постсекуляризации. Практики контроля насилия дают сбой на уровне государства по причине возникновения иных объектов и субъектов насилия. Именно поэтому мы можем предполагать деградацию различных институциональных форм насилия и сложившихся практик борьбы за власть, подобным войне и революции. Война и революция в современном их понимании сложились в эпоху модерна и образуют единый комплекс с национальными государствами, регулярными армиями, индивидами в качестве «атомов» государства, гражданского общества, и политическим партиями как силами на внутригосударственной политической арене.

Привязка определения к оппонентам национального государства имеет совсем недавнюю историю и довольно ограниченные границы. Более того, возникший в итоге субъект национального государства, является еще одной реальностью, наряду с вновь возникающими сообществами. Поскольку гомогенность национальных форм солидарности, равно как и классовых была поставлена под вопрос, глобализацией и провалом социалистического движения, открывается возможность других проектов (индивидуальных и коллективных), которые могут выстраиваться, что ожидаемо, на религиозной основе, этнической, экологической и иной другой. Современное состояние терроризма во всей адекватности его определения возможно через указание на его суть как одну из форм насилия, следствием которой является страх и ниспровержение иерархий. Целью такого насилия можно считать политическое в широком смысле как контроль над жизнью (биополитика), а его диспозиция уже не может ограничиваться противостоянием государства и его оппонентов и включает в себя отдельных людей, сообщества и государства.

Во втором параграфе «Культурогенез человеческой агрессии и антропологические метаморфозы насилия» диссертант исследует антропосоциогенез агрессии и антропологические метаморфозы насилия. Основной тезис состоит в том, что жертвоприношение является архетипом терроризма. Опираясь на трактовку жертвоприношения, предложенную Ж. Батаем, делается вывод о значимости культурно-антропологического института жертвоприношения, который сопутствует человеку с самого раннего времени и фактически совпадает с его появлением. При этом человеческие жертвоприношения довольно рано становятся антисистемным феноменом и свидетельствуют об откате назад в развитии обществ или ситуации системного кризиса с воспроизводством отживших структур.

Обращение к концепции жертвоприношения Ж. Батая позволяет выйти на проблематику субъект-объектных отношений, сутью которых в жертвоприношении является изъятие объекта из отношений потребления посредством его разрушения. Жертва изымается как вещь полезная, то есть включенная в отношения производства – распределения, а значит и власти, когда всего этого жертвователю добывается *разрушением*. В этом проявляется *мотив траты* или *изъятия* объекта из системы капиталистических отношений или просто отношений потребления объекта, поскольку современные антисистемные проявления чаще всего связываются с террористическими образованиями на окраинах капиталистической ойкумены. Нежелание включаться в эту систему глобального капитализма мотивирует терроризм и даже создает его как *протестный феномен*.

Террористический акт внутренне структурирован как жертвоприношение уже в той его части, которая раскрывает статус жертвы и жертвователя: жертва есть вещь, приносящая пользу и этой вещью может быть человек, но только не человек праздный. Такой человек не вписывается в схему жертвоприношения, поскольку не соотносится с производством, а значит, не может быть изъят из него. Этот человек-объект не приведет к искомой имманентности. Возможно, в этом кроется ответ на вопрос о социальном статусе подавляющего большинства жертв террористических актов. Сами же террористы-жертвователи представляют собой фигуру симметричную фигуре капиталиста-миллиардера, собственника транснационального, глобального капитала. Он предстает как превращенная

форма, по своей сути, являющей собой пример анти-производства или траты (Ж. Батай). Террорист в современном мире есть самый непосредственный «праздный класс», идеологический противник господствующей системы капитализма, бросающий ей вызов часто в лице традиционализма в вариантах исламского фундаментализма.

Во *второй главе* «Культурные практики насилия и «человек террористический»: философско-антропологические смыслы» рассматриваются формы насилия и культурно-историческая типология терроризма, а также взаимосвязь последнего с такими формами насилия как война и революция.

Первый параграф «Революционное насилие и террор: деструкция политического пространства бытия человека» исследует взаимосвязь терроризма и революционного насилия в их культурных и человеческих измерениях. Слово революция было заимствовано из астрономии и первоначально означало циклическое движение звезд. Кажущееся противоречие с последующим, политическим значением этого слова, Х. Арендт, например, разъясняет, исходя из понимания событий времени первых буржуазных революций, когда революция имела смысл именно *возвращения к начальному состоянию* и движения по некоторой траектории развития общества. И это возвращение уже в пространстве политического дискурса Нового времени было неразрывно связано с идеями свободы и секуляризации, идеей нового человека и общества. При этом сама «идея нового» в революции содержит противоречие, поскольку сочетается с исходным значением революции как *повторения*.

Идея свободы человека в религиозном смысле после изъятия религиозного содержания становится *свободой политической*. И в этой связи, не является ли человек в ситуации революционного «об-в-ращения» или «обновления» не только человеком, претендующем на политические права вне связи с возможными религиозными смыслами, но и «просто» человеком. Возможно, что это исходная точка или то понимание человека, которое скрывается за концептом естественного человека в естественном состоянии войны всех против всех Т. Гоббса. Говоря более определенно, указывается на некое новое состояние человека, в котором он оказывается в ситуации революции и определяет его как «просто человек».

То же или довольно схожее говорит Дж. Агамбен в трилогии своих работ о *homo sacer*. Он делает предположение, что «*homo sacer*» есть «сама жизнь», «чистая жизнь», захваченная политическим в результате исключения. «Просто человек» есть *нулевой уровень политического* или исходная материя политического. Понять эту связь помогают концепты «чрезвычайного положения» и «суверенитета» как максимума власти, которая устанавливает закон, но сама она находится за его пределами, превышая его. Суверенитет есть возможность нарушать закон, не нарушая его. Точно также действует *homo sacer*, которого можно убить, не нарушив закон (но нельзя принести в жертву). Сам концепт чрезвычайного положения, к которому обращается Агамбен, весьма близко подходит к революции, которая с точки зрения противоборства власти таким «чрезвычайным положением» и является. В том числе и со стороны насилия революция схожа с чрезвычайным положением, как временем и пространством *отмены закона*. Закон уже или еще не действует, и потому преступление таковым не является (точно также, как убийство «голой жизни», не является убийством). То есть если описывать революцию как «революцию в себе», в модусе ее событийности, как длящейся борьбы равных вне норм права и координат легитимности, то мы имеем в качестве материи этого противоборства «простую жизнь».

В результате этого противоборства возникает суверенитет, *власть как таковая*. Точно также как она возникает в результате революции. А если обратиться к идеям связи жертвоприношения с насилием, то специфичность *homo sacer* по сравнению с «обычной» жертвой указывает на ее принадлежность к «кризису сакрального», такого экстраординарного события, которое решающим образом нарушает мироустройство и грозит его существованию. В соединении революции и жертвоприношения очевидным становится двойной смысл «просто человека», который замещает всё общество в силу своей специфической общности, а также по этой же причине может выражать политические предпочтения всего общества. И если ранее эти два смысла не пересекались, то, начиная с эпохи Нового времени, возникает антропологический или социальный эквивалент такого пересечения, который и обнаруживается, «приоткрывается» в пространстве политической, правовой и философской мысли.

Новая архаика постмодерна состоит в болезненном восторге потребления зрелищ, и современный террор во многом немислим без его медийной составляющей, которая генетически наследует и жертвенные гладиаторские игрища римлян, и публичные казни Средних веков, в значительной мере утративших свою жертвенно-символическую роль, но сохранивших зрелищную.

Во *втором параграфе «Военное насилие и прагматика терроризма: антропология деструктивного насилия»* отмечается, что сравнение терроризма с войной, некогда не вполне явное, в настоящее время приобретает не только четкие очертания, но раскрывает некоторые аспекты самого терроризма. Даже в первом приближении война в ее стандартном понимании как вооруженное противостояние стран с участием только комбатантов, уже не вполне соответствует реальности, в которой противостояние стран по большей части разворачивается в так называемых малых формах войны и противостоянии нерегулярных военных образований.

С указанных позиций анализ следует начинать с обращения к теории войны и метаморфоза таких ее сложных форм, которые изложены К. Шмиттом в работе «Теория партизана». Партизан как иррегулярный боец с регулярной армией обращает наше внимание на проблему войны, как регулярного действия, и партизана, как оппонента регулярности. Партизан и иррегулярность военного противостояния проявлялась в периоды «разложения» и кризиса. Можно продолжить, что война и есть кризис политического, отсутствие возможностей разрешить проблему мирными средствами. Но партизан появляется в тот момент, когда уже внутри самой войны как некоторого организованного процесса возникает кризис. С этой точки зрения «партизанство» и терроризм близки, а сам терроризм часто действительно есть кризис традиционных методов ведения войны или их невозможность, особенно в части организации *«сетевых», партизанских методов* ведения «террористической войны».

К основным тезисам К. Шмитта можно отнести различие «охраняемой» и партизанской войны, которые имеют под собой разное основание в виде вражды традиционной, заключенной в строгие рамки конвенций, и настоящей *деструктивной вражды*. Последняя свойственна партизану и, на наш взгляд, собственно и выражается в терроре. Следующей характеристикой является *мобильность* партизана, в которой он зависит от регулярных образований. Партизан, также как и террорист, не

самодостаточен. Он вынужден сотрудничать с регулярными образованиями, по причине зависимости от поставок техники, медикаментов, оружия, но также он нуждается в *признании* (символическая «регулярность» и «легитимность»). Чтобы не стать преступником или чтобы его не определили в качестве такового, террорист вынужден обращаться за признанием в другой стороне, которая его признает и поддерживает.

Другим признаком партизана является его *теллурический*, «земной» и «почвенный» характер. Партизан неразрывно связан с той территорией, на которой он обитает, живет и которую защищает. В отношении же террориста эта характеристика выглядит очень проблематично. Террорист может соответствовать этому критерию только в той мере, в какой он соотносится с национально-освободительными движениями и действительно является «партизаном». Иными словами, террорист не «укоренен в земле», подобно партизану. Если партизан связывается с «землей», то террорист не может таковым считаться. В этих смыслах террорист к земле не привязан и действует как номад, кочевник. Его пространство детерриторизировано. Также существует различие между строго сегментированным пространстве войны и одномерным пространством террора. Последнее населено не противником, а жертвами, которые также однородны и малозначимы сами по себе. Имеет значение только цель, а также отсутствует ключевой элемент – борьба равных. Целью становится сама жизнь, поскольку она приносится в жертву. И именно в этом аспекте непризнания кроется внутренняя связь современной войны и войны террористической с архетипическим для терроризма жертвоприношением.

Его «почва» должна быть иной природы, и она проистекает из понятия политического номадизма и маргинальности, деградации классической войны в пользу революционных движений. Революционная борьба уже не является кодифицированной традиционной, ритуально-символической враждой, а враждой настоящей – «абсолютной враждой», деструктивной и не признающей ограничений. И это все в полной мере справедливо именно в отношении террориста. Здесь сделан акцент на изменении субъектов борьбы при переходе от вражды государств к вражде партий, а также изменении характера самой борьбы или вражды от игрового, символического ее характера к абсолютному и «реальному». Современный терроризм раскрывается как «абсолютная вражда» или использование политически мотивированного насилия квазигосударственными структурами или

трансгосударственными и транскультурными образованиями. То есть *война деградирует до терроризма* уже не по своей технологической обусловленности, а по своим политическим, культурно-символическим и экзистенциальным, антропологическим основаниям.

В технологическом и политическом аспекте пересечение войны и терроризма достигается в отношении к своему объекту. Современная война перестает быть борьбой с равным и оказывается жертвоприношением, которому родственен терроризм. «Абсолютный враг» является одновременно «обесцененным» объектом, который «приносится в жертву» в силу своей незначительности, но и сверхценным. Последнее есть следствие современных технологий дистанционной войны, сменивших непосредственное столкновение комбатантов, криминализации противника, установления культурно-цивилизационной дистанции.

Третий параграф «Формы насилия и культурно-историческая типология терроризма» посвящен анализу культурно-антропологических метаморфоз насилия в истории и его актуальных практик, поскольку поиск ответа на вопрос о каком-то окончательном определении терроризма сегодня со всей ясностью поднимает вопрос о типичном в феноменах насилия и терроризма.

В качестве отправной точки стоит обратиться к существующим типологиям терроризма, которые даже на первый взгляд обнаруживают свою несостоятельность, подчас смешивая виды и формы, цели и сферы деятельности. Например, не лишенным противоречия является выделение этнорелигиозного терроризма как преобладающего в современности, поскольку достаточно обратиться к определениям понятий «нация» и «религия», чтобы понять, насколько различны лежащие в основе идеи. Религия, как некоторая связь со сверхъестественным, как правило, универсальна (за исключением национальных религий). Даже наиболее активный в современном мире террористический проект или движение, который черпает свои идеи в радикальном исламе, скорее *интернационален*, чем национален.

Вместе с тем, концепт *этнонационального терроризма* довольно точно отражает ситуацию именно эпохи модерна, ситуацию возникновения национальных государств и борьбы этносов как между собой за главенство в этом государстве, так и борьбу этнических групп с уже существующими государствами (национально-освободительное движение). Вопрос о том,

насколько этнонациональный терроризм распознается в более широкой исторической перспективе, поскольку факты однозначного его определения затрагивают только время после Второй мировой войны и территорию стран третьего мира. Более «глубокая древность» европейской истории национального определения должна включать в себя события буржуазных революций, которые, как правило, интерпретируются иначе. Например, террор времен Великой французской революции опознается как политический и отождествляется с политикой государства, но замалчивается, что *террор* выступал как *инструмент национального строительства*.

Скорее всего, насилие, понимаемое как терроризм, не может быть вне политики, поскольку всегда представляет собой попытку суверенного *контроля над жизнью*. Но собственно политическим терроризмом можно считать только тот, который центральным своим смыслом признает только борьбу за власть или как вариант борьбы с властью. Определяющим тогда будет такая диспозиция терроризма, которая будет включать себя в качестве оппонентов политические партии, политически мотивированные группы и государство. В этом случае наиболее приближенным к этой форме будет «левый» терроризм наиболее известный по деятельности «Красных бригад» и «Фракции красной армии» (RAF), а также русский революционный террор начала XX века. И те и другие своей целью определяли свершение революции, радикальное изменение государственного строя.

Так, если преобладающий религиозный характер средневековой культуры обуславливал слитность террористического насилия с религиозной войной, то Новое время вносит политические и националистические смыслы и обуславливает проникновение террористического насилия в революцию. Политизация терроризма времен ранней Европы и есть его мифологизация, а революционный террор эпохи модерна, в свою очередь, воспроизводит свою политическую мифологию, которая сегодня также присутствует в некоторых работах по проблеме терроризма. Более очевидным является мифологизация терроризма, историю которого пытаются усмотреть в глубокой древности.

Из всего их многообразия с достаточной определенностью можно выделить лишь войны и революции в качестве форм, подвергшихся деструкции или проникновению со стороны террористического насилия, которое, в свою очередь, мы возводим к архетипу жертвоприношения.

В то же время остается вопрос о формах террористического насилия в современности, поскольку большое количество исследователей говорят о «новом терроризме». Новый терроризм возникает из сообщества интернационального, принципиально не привязанного к одной нации, государству. Принцип организации сообщества связан с религиозной идеей, носящей универсальный характер обновления ислама в его радикальной версии. Более того, в качестве целей новое террористическое движение не преследует борьбу с каким-либо определенным государством или национальными государствами как «воображаемыми сообществами» (Б.Андерсон) и другими сообществами, скрепленными по иным принципам и иными механизмами. Террорист новой формации в высшей степени – партикулярная фигура соответствующая сообществу рациональных индивидов, связанных все больше формально.

Современность характеризуется именно импловивностью современного терроризма в противовес открытой эксплозивности войны и революций модерна. Происходит импловия социального, которая подобна схлопыванию, самозамыканию, закликиванию первичных эмоциональных связей. Постсовременность характеризуется, специфическим *втягиванием* террористического насилия *внутрь* культуры и социальности (культурная импловивность как эффект превращенной, иррациональной формы в органической системе) в противовес эксплозивной, *открытой и взрывной формы* насилия и террора в войнах и революциях модерна. Возникающая структура «сетевого терроризма» подобна ризоме, которая выстраивает сквозные отношения в существующих иерархиях современного общества в обход партикулярных отношений. Террористическая ризома (сеть) действует на другом уровне, можно сказать, что она мало чувствительна к формальной организации в силу своих же связей. Предполагаемой целью, противником являются скорее идеи, смыслы, воплощенные в реальности, подобно зданий Всемирного торгового центра или Пентагона.

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются основные выводы и положения, намечаются дальнейшие перспективы исследования проблемы и области возможного применения полученных автором результатов.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Концепты «терроризма» и «экстремизма» в социально-гуманитарных науках и юридической практике // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 16 (71). – Вып. 10. – Белгород, 2009. – С. 244-249 (в соавт.).
2. Ритуально-культурные практики насилия в традиционных культурах // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 20 (139). – Вып. 22. – Белгород, 2012. – С. 127-134.
3. Формы насилия и культурно-историческая типология терроризма. // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №16(159). – Вып. 25. – Белгород, 2013. – С. 232-238 (в соавт.).

Публикации в научных журналах и сборниках

4. Экстремизм: понятие и формы проявления // Философия поверх барьеров: культурно-цивилизационные и антропологические кризисы идентичности в современном мире: Материалы IV Всероссийской научной конференции молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов (9-10 апреля 2009 г.). – Белгород, 2010. – С. 8-14.
5. Политико-идеологические факторы в системе социокультурного противодействия терроризму // Философия и наука поверх барьеров. Философия науки: история и современность. Материалы V Всероссийской научной конференции молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов (Белгород, 8-9 апреля 2010 г.). – Белгород, 2010. – С. 12-16.
6. Терроризм и экстремизм: определения и профилактика угроз на региональном уровне (статья) // Философия и наука поверх барьеров: Нации и этнокультурная идентичность в современном мире: материалы VI Всероссийской научной конференции молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов, г. Белгород 14 апр. 2011 г. – Белгород, 2011. – С.11-15.
7. Дискурс насилия в русской культуре XIX вв. (статья) // Национальный вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее: Материалы докладов и выступлений Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / г. Белгород, 20-21 апреля 2011 г. – Белгород, 2011. – С. 8-12 (в соавт.).
8. К вопросу о концептуализации экстремизма: контексты // Всероссийская молодежная конференция «Когнитивное моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности»/ г. Белгород, 8-10 сентября 2011 г.: Материалы докладов и выступлений. – Белгород, 2011. – С. 20-21 (в соавт.).
9. Диалектика раба и господина. О насилии в философии Г.В.Ф. Гегеля. / Школа молодых ученых в области культурологии и музееведения Еврорегиона «Слобжанщина»: сборник докладов (Белгород, 17-18 мая 2012 года). – Белгород, 2012. – С. 15-19.
10. Трансформация религии и новые формы экстремизма в современности. / Пространство культуры: проблемы философии и методологии. Сборник докладов заочной Всероссийской научно-практической конференции (Белгород, 22 мая 2012 г. – Белгород, 2012. – С. 171-177 (в соавт.).
11. Философское понимание религиозного экстремизма // Социология религии в обществе Позднего Модерна: материалы Второй Российской научной конференции с международным участием. НИУ «БелГУ», 18 апреля 2012 г. – Белгород, 2012. – С. 15-25 (в соавт.).

Подписано в печать 14.10.2013. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ 389.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

102 ✓